

Русская православная церковь и возрождение культуры

Игумен ИОАНН (Экономцев), председатель Отдела религиозного образования и катехизации Русской православной церкви

Начало нового тысячелетия от Рождества Христова — благоприятное время для того, чтобы оглянуться на пройденный путь, оценить беспристрастно то, чем мы жили на протяжении истекшего тысячелетия.

Русский народ далеко не первым из народов Европы вступил на путь христианской веры. Но это позднее вхождение доставило нашим предкам и определённые преимущества. Обращаясь к Византии, славянский мир обращался к самой развитой и богатой в то время цивилизации. Мать нашей Церкви Церковь Византийская уже пережила к этому времени длительный период борьбы с ересями и отступлениями. Сложилось стройное и продуманное богословское учение, выработанное Святыми Отцами в процессе преодоления заблуждений, пытавшихся размыть и затемнить Богооткровенную истину. Недаром русское религиозное сознание воспринимало христианскую доктрину как нечто завершённое и абсолютно незыблемое. Не равнодушие к философским вопросам и размышлениям о высоком, но приятие в сердце этой нераздельной целостности, неразрывно связанной с богослужением и духовным опытом, характерно для формировавшегося на протяжении веков национального сознания русского народа.

Знаменателен рассказ летописи о первом вхождении наших предков в Храм Божий. Послы князя Владимира, Крестителя Руси, были пленены дивной красотой византийского богослужения. Христианство открылось русским людям небесною красотой, и посредством этого уникального дара народ наш воспринял христианскую веру как откровение спасительной Красоты и Добра, преображающих мир.

Если языческое прошлое европейских народов привело к неоязыческому Ренессансу, то наследие греческой античности, преображённое святоотеческим богословием — трудами Дионисия Ареопагита, Симеона Нового Богослова и исихастов, дало импульс духовному Возрождению в палеологовской Византии, в южнославянских странах и на Руси. И насколько это Возрождение было возвышеннее, духовнее и чище западноевропейского Ренессанса с его болезненным разладом между верой и разумом, духом и плотью, оставляющим, несмотря на весь свой наигранный оптимизм, чувство безысходности и отчаяния.

Семя упало в подготовленную почву. В настоящее время уже никто не придерживается упрощённого представления о том, что наши предки в дохристианскую эпоху жили в состоянии дикости. Современные исследователи обратили особое внимание на высокий уровень образно-поэтического мировосприятия в Древней Руси. Несомненно, что в языческой, дохристианской, сформировавшейся ещё в дописьменный период культуре славянских племён присутствовало развитое художественное начало. Это образно-художественное восприятие мира оказалось чрезвычайно близким самому духу византийской культуры.

Владимир Соловьёв отмечал, что личностное начало, идея личного спасения в большей степени характерны для восточной Церкви, чем для Запада. Это начало оказалось поразительно благотворным для последующего развития всей русской культуры. Но не нужно забывать и то, что мы унаследовали от Византии не только глубокий интерес к человеческой личности, но и великий принцип соборности, оказавшийся столь созвучным с укладом жизни и нравственными понятиями славян.

При усвоении православия Древней Русью проявилась удивительная совместимость. Не было никаких болезненных явлений, не было угрозы отторжения византийской культуры как некоего чужеродного элемента. Всё происходило естественно, закономерно. И в самом деле, что может быть естественнее воссоединения общечеловеческой, вселенской души славян с вселенскостью византизма и вселенской Церковью Христовой? Однако

только усвоение христианского отношения к миру удивительно утончило, облагородило и возвысило природную эстетическую восприимчивость народа.

Пробудилась душа живая, которая никогда не может примириться ни с чем формальным и отвлечённым. “Кто душу свою положит за други своя”, — начало русской святости навсегда связано с жертвенным подвигом князей стратотерпцев Бориса и Глеба. Самый облик русской и российской государственности получил мощный христианский импульс, при всех сложнейших перипетиях российской истории неистребимый до конца.

На Руси христианство было воспринято по-особому. Не на земле, а на небе почувствовали себя стоящими посланцы святого Владимира на богослужении в Софийском соборе. Неудивительно, что светлый праздник Воскресения Христова, жертвенного одоления сил ада и самой смерти, стал центром всей богослужебной жизни Русской церкви, исполнив её той победной радостью, которой была озарена вера древних христиан. Следует учесть, что святым братьям Кириллу и Мефодию удалось передать нашим предкам Священное Писание и богослужебные книги в совершенном переводе, практически равночестном подлиннику. Вся сумма знаний, накопленных Византией и унаследованных ею от предшественницы её — античной цивилизации, стала им доступна. В течение веков церковная литургическая сокровищница была главным источником знаний, неукоснительным мерилom нравственной жизни и творческого вдохновения. В русском церковном сознании мир воспринимается как озарённый и пронизанный Божиим светом. Вспомним только светозарную красоту Пасхальной службы, одухотворяющие песнопения и чтения Рождества Христова, великопостные служения, пробуждающие в душе глубокое покаянное чувство.

Никогда, даже в самые тёмные века, не была полностью прервана церковная традиция. Даже во времена народного одичания в результате вражеских нашествий и богоборческих гонений люди, прибегавшие к Церкви как к утешительнице и хранительнице русского духа, обретали в ней духовную силу, проникались глубиной и светом православия. Сколь ни мрачна была общая картина нравственного падения русского общества эпохи татарского ига, именно в это время происходит небывалый расцвет русского подвижничества и святости.

Красота церковная, гармония Царства Небесного, которое превыше всех земных царств, навсегда пленила русскую душу, вдохновила её и на творчество, и на аскетический, монашеский подвиг. Как справедливо заметил протоиерей Василий Зеньковский, “русский аскетизм восходит не к отвержению мира, не к презрению к плоти, а совсем к другому — к тому яркому видению небесной правды и красоты, которое своим сиянием делает неотразимо ясной неправду, царящую в мире, и тем зовёт нас к освобождению от плена миру... Видение небесной правды и красоты вдохновляет к аскетизму”.

Православие оплодотворило собою все важнейшие творческие движения, созидавшие русскую культуру и придавшие ей неповторимый характер. Именно исихастское умное, безмолвное, молитвенное делание привело к небывалому расцвету изобразительного искусства на Руси в XIV–XV веках.

Православие пробудило в народе такие творческие силы, что стали возможны гениальные творения преподобного Андрея Рублёва, признанные недосыгаемой вершиной мировой культуры. Мы находим в этих созданиях такую художественную глубину, такое прозрение мира духовного, что нельзя не присоединиться к князю Евгению Трубецкому, который называл их “умозрением в красках”. Лучшие образцы русской иконописи бесспорно свидетельствуют об уникальном своеобразии, подлинной глубине и безусловности древнерусского духовного опыта. “Нет ни одного русского богословско-полюемического трактата, — замечает Иван Васильевич Цветаев, — в котором не защищалось бы иконопочитание, столь дорогое русскому человеку”. Почитание икон было для русских людей неопределимой духовной поддержкой в годы испытаний, они навсегда запечатлели и неоспоримо свидетельствовали о присутствии в мире чуда, о прикосновенности судеб людских путям Промысла Божия, об открытости мира горнего и близости Спасителя каждой человеческой душе, сотворённой по образу Божию.

К сожалению, подлинное открытие русской иконы произошло сравнительно поздно — в начале XX века, незадолго до новой русской смуты, которая привела к продолжительному торжеству богоотступничества и богоборчества. Ещё в середине XIX века, невольно подчиняясь западному влиянию, большинство серьёзных учёных, таких, как Фёдор Иванович Буслаев, недооценивали дивное художество древних образов и полагали, что в иконе “внешняя красота принесена в жертву религиозной идее, подчинённой богословскому учению”. Именно открытие подлинного “лика” древнерусской иконописи привело не только к осмыслению богословия иконы, но и к осознанию духовной перспективы исторического процесса.

Исследователи русской мысли часто недоумевали, как объяснить её позднее пробуждение. И не могли понять, что означает это вековое, слишком долгое и затяжное русское молчание. Они не обращали внимания и не догадывались, что за этим молчанием скрыта глубочайшая духовная традиция. Древняя Русь говорила языком образов, и сознание русских людей вовсе не пребывало вне Логоса, вне Слова Божия. Впервые была отчётливо осознана и выявлена реальная и неразрывная связь между искусством и Церковью. Запечатлённая в тайне, великая сокровищница церковная приоткрылась изумлённым взорам творческой интеллигенции серебряного века нашей светской культуры.

Православный храм являл собою дивный синтез искусств. Не только иконописание, но и музыка, и архитектура. Достаточно вспомнить “знаменный распев”, представляющий собою, по словам Василия Михайловича Металлова, “редкое по древности и неоценимое по художественным красотам музыкально-певческое достояние русской Православной церкви, равного которому нет ни в западных, ни в восточных христианских обществах”. Каким душевным покоем веет от белокаменного чуда — Храма Покрова на Нерли. Сам образ Русской земли неразделимо слился со смиренной красотой православных церквушек. Скольким душам возвращали они упование на промысел Божий. “Храм Божий на горе мелькнул и детски чистым чувством веры внезапно на душу пахнул”, — писал Николай Алексеевич Некрасов. И не только он, вся поэзия русская и литература кровно и неразделимо связаны с православной традицией.

Приняв Крещение, русский народ получил в готовом виде как дар богатейшую литературу на славянском языке, составлявшую круг чтения в самой культурной стране того времени — Византии. Идеал монаха, отвергающего свет знания, не получил у нас широкого распространения. Книжная премудрость высоко ценилась на Руси. Кирилл Туровский берёт с собой книги, даже восходя на столп или, точнее, входя в столп, который он сооружает в форме башни, приспособленной для учёных занятий.

Авторитет писанного слова и поныне продолжает оставаться в России удивительно высоким, несмотря на ту девальвацию и даже компроментацию слова, которую принесли средства массовой информации.

Русская классическая литература не только вышла из Летописи и Житий Святых, но всегда хранила в себе сокровенное зерно веры. Фёдор Достоевский, один из её величайших представителей, по словам Владимира Соловьёва, “любил прежде всего живую человеческую душу во всём и везде и верил, что мы все род Божий, верил в бесконечную силу человеческой души, торжествующую над всяким внешним насилием и над всяким внутренним падением”. “Всё, всё, чего ищет русский народ, — говорил сам Достоевский, — заключается для него в Православии — в одном Православии и правда, и спасение народа русского”. На протяжении многих лет именно русская литература исполняла роль духовного наставника — множество людей благодаря её высокому нравственному идеалу и неприятию материализма и пошлости ощущало живую необходимость причастности к Истине, Добру и Красоте и возвращалось к вере отцов.

Больно, что сегодня есть люди, которые пытаются лишить наше юношество этого светлого родника, уменьшить время, отведённое на изучение лучших образцов отечественной словесности.

Высокий авторитет слова и предельно серьёзное отношение к нему, отличавшее Древ-

нию Русь, благоприятно сказались и на развитии научной мысли. Исследование природы понималось в старину прежде всего как стремление постичь Божественный замысел. Бог даровал людям две книги — Библию, в которой изложено слово Творца, и “книгу природы”, изучая которую человеческий ум поднимается к пониманию того, что за красотой, гармонией, целесообразностью и согласованностью мироздания обязательно должен быть Тот, Кто его создал.

Атеистическая идеология пыталась опереться на науку в своей борьбе с христианством. Нас долго убеждали, что только научно-материалистическое мировоззрение может служить надёжным ориентиром всегда и везде. К чему же это привело на деле? К резкому падению авторитета самой науки. Я встречаюсь со множеством учёных и вижу, как велика в них потребность к выработке целостного миропонимания, как сильно в них стремление к обретению абсолютной Божественной истины. Антиномичность истины, непостижимость Божественного откровения, подлинное соприкосновение с чудом и тайной бытия могли бы дать им творческий импульс. Подлинное творчество в сокровенной своей глубине всегда восходит к Богу.

Немало людей считали науку не только высшим и единственным путём постижения реальности, но своего рода религией и отрицали всё, что выходит за её рамки. В XX веке идеи Просвещения стали терять свои позиции.

Мы переживаем сегодня очень сложное и непростое время. Мы видим, что культура утратила в значительной степени свой авторитет и ведущую роль в обществе, традиционно очень высокие в России. С другой стороны, если прежде в храм шли бабушки, воспитанные в детстве в православных семьях, и интеллигенты, пришедшие к Богу под влиянием русской классической литературы, с её душевной деликатностью и тонкостью, то в настоящее время положение существенно переменялось. Укрепление и возрождение Русской Православной церкви привело к тому, что её ряды пополнило множество неопитов, далёких от глубины церковной культуры и традиции, нередко несущих в себе разрушительный заряд идеологизированности, политической ангажированности и непримиримости, чуждых евангельскому духу мира и любви Христовой. Православная вера и православный уклад жизни пока ещё не так часто наследуются по праву рождения и впитываются с молоком матери. Расширение Церкви не всегда сразу ведёт к повышению культурного уровня паствы.

Для нашей духовной традиции всегда было глубоко чуждо противостояние и противопоставление веры и культуры. Сама культура, для того чтобы выжить и сохранить свой высокий лад и строй, продолжает быть неотъемлемой частью общечеловеческого достояния, нуждается в возвращении к своим духовным корням и воцерковлению. Ныне спасение русской культуры возможно только в обретении причастности к церкви. А церковь призвана творчески воспринять великое наследие предков, не утратить своего культурного приоритета, не дать захлестнуть себя стихиями мира сего. В антикультурном пространстве мы не сможем совладать с засильем сект, с их пропагандистским натиском и духовной экспансией. А на родном поприще отечественной традиции равных нам нет. наших предков привлекло к высокой истине православной веры художественное чувство. Каждый народ получает от Бога своё особое предназначение. Образно-художественное восприятие мира, особый дар Божий, отличавший древних славян, определил исторический выбор России и весь её дальнейший путь. Усваивая всё лучшее, что выработала мировая цивилизация, не нужно стремиться к бездумному перениманию чужого. Россия будет великой и сильной, только стоя на камне православной веры, вернувшись на прочный фундамент, заложенный тысячу лет назад. Но церковь должна не поддаваться попыткам оторвать её от великого культурного наследия.

Сокровищница православия — неотъемлемое достояние русской культуры. Это ясно должна почувствовать и понять вся наша творческая интеллигенция, наша научная и художественная элита. Мы призваны не к противоборству, а к плодотворному сотрудничеству в деле возрождения нашей национальной культуры и России. Только соборное еди-

нение людей, созидающих культуру, с Русской Православной церковью может помочь преодолеть духовный кризис нашего общества. “Не хлебом единым жив будет человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих” (Мф. 4:4).

Перед нами всеми, кто трудится ради духовного просвещения Отечества, на поприще образования и культуры, стоит величественная и благородная задача возрождения подлинно христианской, церковной культуры, способной победить рознь и вражду, унаследованные от уходящего навсегда боготорческого столетия, и преобразить всю нашу жизнь.

Начало третьего тысячелетия от Рождества Христова... Невиданная глобализация, подлинная технотронная революция, широчайшее распространение идей либерализма затронули практически все сферы человеческой жизни. Сокращаются расстояния. В самом дальнем уголке земли мы можем видеть, что происходит на другом конце света. Однако всё ближе становится угроза экологического кризиса, всё агрессивнее борьба за природные ресурсы, всё откровеннее вопиющая разница между жизненными стандартами развитых стран и третьего мира. Разрушается этнокультурное пространство, складывавшееся на протяжении тысячелетий, во всей его сложности, тончайших взаимосвязях и многоцветии.

В какой мере допустима всемирная унификация? Одно дело — всеобщее усвоение достижений технической мысли и результатов научного прогресса. Другое — размывание национальных культур и их духовных оснований. Сегодня мы наблюдаем бурное религиозное и культурное возрождение, охватившее страны Востока. Они пытаются отстаивать свои исторические ценности и найти способ противостояния наплыву агрессивного и обезличивающего западного влияния.

Россия — особая страна, не Запад и не Восток. Она соединяет и примиряет в себе и Восток, и Запад. И возрождение русской культуры, с присущей ей “всемирной отзывчивостью” и сочувствием к униженным и оскорбленным, бережным отношением ко всем, даже самым малым народам и их культурному наследию, жизненно необходимо для всего мира. Ведь “главнейшее предызбранное назначение народа русского в судьбах всего человечества, по пророческим словам Федора Достоевского, и состоит в том, чтобы сохранившийся в православии Божественный лик Христа, когда придёт время, — явить всему миру, потерявшему свой путь”.